

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук Кошелевой Полины Юрьевны
на тему: «Проект «испанского брака» Карла Стюарта в контексте
европейской политической культуры раннего Нового времени»
по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Диссертация П.Ю. Кошелевой написана в русле новейших тенденций современной исторической науки и посвящена актуальной с точки зрения ее текущего состояния тематике. В центре внимания соискателя – политическая культура английской монархии первых двух десятилетий XVII в., основные контуры которой конкретизируются, с одной стороны, на фоне матримониальной стратегии ранних Стюартов и углубляющейся конфессионализации инсулярного общества – с другой.

Актуальность исследуемой в диссертации проблематики во многом усиливают представленные соискателем методологические решения. Работа написана на стыке «новой» политической и так называемой церемониальной истории, что позволяет поставить и успешно решить целый комплекс проблем, имеющих принципиальный характер для развития современной науки и исторического знания в целом.

В концептуальном отношении диссертация П.Ю. Кошелевой представляется не только законченным, но и оригинальным исследованием. Исходным в ее построениях выступает вполне взвешенное, основанное на глубоком знании источников и классической научной литературы положение о логической обусловленности поездки принца Карла в Мадрид происпанскими настроениями Якова I Стюарта (с. 93–98). Характерные для раннестюартовской внешней политики такого рода предпочтения являлись важнейшей частью его миротворческой стратегии не только в том смысле, в котором она представала в широкой междинастической перспективе, но и в разрезе, определявшемся интенсификацией конфессиональных размежеваний первых двух десятилетий XVII в. Устойчивость в заинтересованном

отношении к испанским Габсбургам во многом стимулировала Тридцатилетняя война (с.103-108).

Материализовавшиеся в мирном договоре 1604 г. и двух по воле случая не состоявшихся брачных партиях наследников английского престола, такие предпочтения подчеркивали целенаправленную прагматику верховной власти и более широко – раннестюартовской монархии в целом. Задумывая второй (после нереализованного по причине смерти Генри Стюарта) брачный «проект» с испанской инфантой, Яков I рассчитывал, что Филипп IV окажет помощь в возвращении его зятю – курфюрсту Фридриху утерянных в ходе военных действий чешских территорий и наследных земель Пфальца, а Англия тем самым не будет втянута в военный конфликт на континенте и сохранит свой нейтральный статус (с. 124-130).

Оригинальность построений соискателя особенно рельефно проступает там, где П.Ю. Кошелева исследует собственно смысловые нагрузки церемониальной составляющей визита наследника престола в Мадрид. Замечу, что собственно событийная, связанная с исключительно политической составляющей второго испанского матримониального проекта Стюартов реконструирована добротнo, но по своему концептуальному содержанию не выходит за рамки традиционных для современной научной литературы решений. Основное достоинство этой части диссертации П. Ю. Кошелевой я вижу в репертуаре использованных для ее интерпретации источников и, прежде всего, тех из них, которые содержат суждения участников событий с английской и испанской стороны.

Что же касается наиболее оригинальной части предпринятой соискателем реконструкции, хотел бы отметить следующее. По справедливому наблюдению соискателя, уже в ходе англо-испанских переговоров ярко проявилась роль персонифицировавшего эту историю фактора, связанного с особенностями разносторонних предпочтений самого наследника престола. Речь идет в первую очередь не столько о том, что стремление Карла ускорить ход переговоров и приблизить их положительный

результат являлось главной причиной его личной поездки в Мадрид (с. 130–143). П.Ю. Кошелева полагает, что Карла привлекала не в меньшей степени и политическая культура, определявшая «публичное пространство власти» испанских Габсбургов. При этом, добавлю от себя: потенциальный диалог с такой культурой виделся ему особой формой достижимого при заключении брака церемониального компромисса.

Именно как компромиссные следует понимать и церемониальный сценарий, разработанный испанской стороной, которая должна была учитывать не только выходявший за традиционные рамки формат самого визита, но и факт конфессионального противостояния брачующихся сторон. Начиная от церемониального шествия от монастыря Сан-Херонимо до королевского Алькасара (с.151-158) и вплоть до первой официальной аудиенция, церемониал предполагал заметные исключения (с.158-165). Поскольку все организуемые испанским двором процессии и действия исходили из неординарности самого визита (с.143-151), а также отталкивались от отсутствия регламентирующих порядок установлений, использовался модифицированный регламент, соединявший, казалось бы, несопоставимые церемонии, предназначавшиеся для приема высокопоставленных особ. При этом репрезентирующие особенности церемониала, продемонстрированные Карлу, а также все его последующие передвижения по «местам силы» испанских Габсбургов должны были создать вполне определенное представление о великолепии и необычайной силе Испании, союз с которой был не только необходим, но и оптимален для испытывавшей трудности династии Стюартов (с. 165–180; 233-240).

Элементами церемониального компромисса была пронизаны и ответные действия английской стороны, проявившиеся с максимальной определенностью в торжественном обеде в день св. Георгия. Организованная церемония потребовала беспрецедентных действий, когда парадные одежды Ордена Подвязки впервые были вывезены за пределы острова.

Компромиссной была также и та часть финальной процессии, когда целая группа кораблей английского флота сопровождала принца в порт Сантандер.

Концептуальная целостность диссертации П.Ю. Кошелевой определяет основные достигнутые в ходе исследования результаты. Наиболее существенными из них являются следующие положения:

во-первых, речь должна идти об убедительно продемонстрированной в работе прагматике в матримониальной политике раннестюартовской монархии, рассматривавшей проект «испанского брака» как единственный оптимальный способ решения, с одной стороны, пфальцской проблемы, и неизменности нейтрального статуса Англии в Тридцатилетней войне – с другой;

во-вторых, перспективно и оправдано положение в диссертации, согласно которому в англо-испанских переговорах четко проявились особенности персональных предпочтений самого Якова I и наследника престола, а также их индивидуальные качества, свидетельствующие о сохраняющейся роли личностного начала в междинастических отношениях раннего Нового времени. Несмотря на то, что проект «испанского брака» негативно оценивался большинством современников (публицисты и участники парламентских дебатов 1614 и 1621 гг.), Яков I Стюарт методично продавливал идею продуктивности брачных переговоров с испанской стороной;

в-третьих, полагая, что стремление Карла ускорить переговорный процесс являлось причиной его личной поездки в Мадрид, соискатель убедительно доказывает ее беспрецедентный для англо-испанских отношений раннего Нового времени характер; при этом особого внимания заслуживает тезис о не наблюдавшемся ранее в дипломатической практике XVI–XVII вв. использовании т.н. «маргинальных» пространств для неофициальных встреч Карла и Филиппа IV;

в-четвертых, определяя статус визита Карла к мадридскому двору как «инкогнито», П.Ю. Кошелева последовательно показывает, что избранную форму следует понимать не столько как новацию, во многом нарушавшую

сложившуюся к началу XVII в. дипломатическую практику и церемониал, сколько как еще одно эффективное средство ведения переговоров. Любопытны полученные соискателем результаты, демонстрирующие различия в инструментальных возможностях французского и испанского дворов. Речь идет не только об известной гибкости церемониального пространства французского королевского двора, но и о консервативности придворных ритуальных предписаний испанцев. Именно поэтому мадридский двор был заинтересован в том, чтобы придать визиту принца официальный характер и тем самым установить контроль, в определении соискателя, над «символической коммуникацией» участвующих в переговорах сторон и более широко – соперничающих между собой монархий;

в-пятых, особого внимания заслуживает в этой связи выдвигаемый и последовательно доказываемый соискателем тезис о соподчинении всех организуемых по случаю визита церемоний единой репрезентирующей стратегии, предполагавшей среди прочего возможное и в конечном счете желательное обращение принца в католичество. Именно с последней возможной перспективой были связаны визиты Карла в наиболее известные резиденции Габсбургов, а также монастыри, которые играли непреходящее символическое значение и были связаны с демонстрацией великолепия испанской монархии, покоящегося на ее единстве с католической церковью; наконец, в-шестых, вполне перспективными представляются мне выводы соискателя относительно последствий, которые были связаны с особым интересом Карла к коллекциям и собраниям испанских Габсбургов, определившим на долгие годы его художественные вкусы и предпочтения (с.228-243; 245–250).

Диссертация П.Ю. Кошелевой является законченным оригинальным исследованием актуальной для современной исторической науки проблематики. Источниковая база исследования, а также использованная в работе научная литература достаточны для раскрытия темы и поставленных в диссертации задач. Автореферат и публикации соискателя отражают

содержание диссертации. Предпринятое П.Ю. Кошелевой исследование полностью соответствует специальности 5.6.2. – всеобщая история, а также следующим ее направлениям: история европейских монархий XVII в.; история международных отношений раннего Нового времени; история европейской дипломатии раннего Нового времени; история королевского двора и придворной культуры XVII в.; история идейно-политической борьбы в английском обществе раннего Нового времени.

Как и любое законченное оригинальное исследование, диссертация П.Ю. Кошелевой вызывает естественные вопросы, значительная часть из которых связана с дальнейшими перспективами в разработке самой темы и в том числе – с переработкой текста диссертации в отдельную монографию. В уточнении нуждается использованное соискателем определение политической культуры как сложного комплекса явлений, «которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами» (с. 8). Я вовсе не против аналитической ценности этого определения для исторической науки в целом, но полагаю, что в таком варианте его употребление в исследованиях по XVI–XVII вв. преждевременно. Предлагаемое диссертантом определение этого явления предполагает по умолчанию не только высокий уровень институциональной самостоятельности и преемственности административно-управленческого аппарата, но и характерную для такого рода преемственности институционализированную, т.е. деперсонифицированную верховную власть. Естественными в таком случае видятся и профессиональная бюрократия, и факт наличия централизованных налогов, значительная часть которых обеспечивает жизнедеятельность функционирующих в условиях такой самостоятельности чиновников. Иными словами, в таком определении политическая культура предполагает существование современного государства. Не трудно предположить, что наблюдаемая при Стюартах ситуация была безмерно далека от обозначенной таким образом реальности. Монархия по-прежнему была патримониальной, и большая часть условно называемых «функционеров» во многом сохраняла

статус королевских слуг, оплачиваемых главным образом из «личных» средств самого монарха. При этом сфера «политического» была еще не опредмечена и, определяясь доминирующими интересами короны, подчинялась ее династическим интересам.

Возражение вызывает попытка соискателя связать «гибридный» церемониал официального приема принца в королевском Алькасаре с определенными элементами коронационной процессии. Замечу, что коронационная процессия как таковая сама во многом основывалась на ритуале торжественных въездов монарших особ в столичные города, и в этом смысле ее сценарий не исключал заимствований и, более того, на ранних стадиях формирования регламентирующих предписаний оставался, как следует из сказанного выше, «гибридным». Лишь только со временем к процессии были добавлены отсутствовавшие ранее аккламации, что сделало ее сценарий уникальным. Целесообразнее стоит говорить об выборочном использовании в обряде официального приема принца как элементов торжественного въезда будущего короля, так и официальной церемонии приема иностранных послов при дворах европейских монархов, но не более.

В определенной детализации нуждаются суждения соискателя о конфессиональных симпатиях английского монарха, а также аналогичных предпочтениях наследника престола. Речь должна идти о неоднозначности протестантских убеждений Якова I Стюарта и, как представляется, прежде всего о его достаточно сложном, полном противоречий отношении к католицизму. Не вдаваясь в детали, отмечу весьма ревностное, но при этом скрытое под лояльностью к пуританам отношение к ортодоксальным верованиям шотландцев, которым можно объяснить его стремление к балансировке интересов католиков и пресвитериан при ангажировании принципиальных назначений в придворном окружении Анны Датской в 1590-е гг. Сюда же следует отнести и его испытанные временем дружбу с лидером шотландских католиков – маркизом Хантли и отношения с его супругой – в девичестве Гертрудой Леннокс и, следовательно, кузиной Якова по

материнской линии. Не противоречит этой линии и реабилитация семейства Говардов и прочих преданных Елизаветой опале католических лордов, успешно состоявшаяся уже в первые годы его английского правления. Как известно, Карл разделял отцовские симпатии к католикам, но, как и его венценосный родитель, предпочитал скрывать на публике свои религиозные предпочтения.

Вместе с тем, указанные замечания и соображения не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Кошелева Полина Юрьевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:
доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры истории
средних веков Института истории
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
Федоров Сергей Егорович
5.05.2025

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
07.00.03 – всеобщая история

Адрес места работы:

198034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Институт истории, кафедра истории средних веков
Тел.: +7 (812) 324–94–47; e-mail: spbu@spbu.ru